

Чувашское отделение
Восточного педагогического института
(по материалам рукописного фонда Н.В. Никольского)

А.П. Леонтьев

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Российская Федерация*

В статье проанализирована деятельность чувашского отделения Восточного педагогического института в 1926–1930 гг. Источниками статьи явились материалы Рукописного фонда профессора Н.В. Никольского в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отчеты, протоколы, отзывы, переписка и другие документы раскрывают роль Н.В. Никольского, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, В.Е. Егорова в развитии высшего образования в Чувашской АССР. Особо отмечена научно-исследовательская деятельность в чувашском отделении.

Ключевые слова: Рукописный архив Н.В. Никольского, высшее образование чувашей, чувашское отделение Восточного педагогического института

Для цитирования: Леонтьев А.П. Чувашское отделение Восточного педагогического института (по материалам рукописного фонда Н.В. Никольского) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.91–110. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.91-110>

В данном исследовании речь пойдет лишь о некоторой части документов, относящейся непосредственно к практической деятельности Восточного педагогического института (далее ВПИ) – знаменитого казанского вуза, одной из кузниц кадров для чувашских учебных заведений повышенного типа (техникумов и вузов), и чувашеведческих наук во второй половине 1920-х гг. Рассматриваемые материалы аккумулированы в основном в трех томах рукописного фонда профессора Н.В. Никольского, хранящегося в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Будучи секретарем почти всех совещаний, заседаний и других мероприятий института, секретарем совета национально-лингвистических отделений (далее НЛО) ВПИ, Николай Васильевич скрупулезно фиксировал мероприятия, черновые и частью беловые (машинописные) варианты, а также аккуратно собирал в папки копии многих зарегистрированных документов, со временем сформированные им в отдельные тома [4; 5; 6; 7].

В рукописном фонде Н.В. Никольского сохранено множество оригинальных документов, среди них – составленные и подписанные преподавателями чувашского отделения языка и культуры ВПИ Николаем Ивано-

вичем Ашмариным [12; с.163], Василием Егоровичем (Георгиевичем он станет позднее. – *А.Л.*) Егоровым, Гурием Ивановичем Комиссаровым, Николаем Васильевичем Никольским и др. Одним из примеров таких документов является следующее обращение ученых в совет чувашского отделения языка и культуры ВПИ: «Мы, нижеподписавшиеся, считаем кандидатуру Н.И. Ашмарина в члены Академии наук СССР вполне достойной по следующим основаниям. Научно-исследовательская работа Н.И. Ашмарина достаточно охарактеризована на западе (Месарош, Дмитриев, Мункачи) и в СССР (Самойлович, Поппе, Катанов, Никольский, Егоров, Петров)» [7, с.28]. Оказывается, первоначально предполагалось выдвинуть Н.И. Ашмарина в действительные члены АН СССР. Дата составления текста неизвестна. Но после этого материала находим другой текст, на наш взгляд, непосредственно связанный с предыдущим. 17 марта 1928 г. состоялось заседание правления Казанского отделения Общества изучения чувашской культуры, где участие принимал народный комиссар просвещения ЧАССР М.С. Сергеев. Скорее всего, нарком и попросил Н.В. Никольского составить данное обращение. По-видимому, в томе – черновой вариант, под ним фамилии: «Сергеев, Андреев» [7, с.28].

Рассмотренные нами тома охватывают 1926– по апрель 1930 гг. Почему не с 1922 г., с начала создания Восточного педагогического института [11, с.362], а только с февраля 1926 г., т. е. после открытия чувашского отделения? Ответ прост: Н.В. Никольский преподавал в Казанском педагогическом институте еще в 1918–1922 гг., в ВПИ – с первого академического года, являлся доцентом, заведующим кафедрой этнографии. Но в тот период делопроизводство вели другие сотрудники. С открытием чувашского отделения это немаловажное для функционирования любой организации, а для истории чувашского высшего образования в особенности, дело возлагалось на Николая Васильевича.

В отчете кафедры чувашской литературы предположительно конца 1929 г., сохранившемся в фонде, Н.В. Никольский подробно рассказывает о пройденной ею пути. Данный документ составлен к общественному смотру работы научных работников ВПИ. В нем освещалась краткая история кафедры, начиная с 1922 г., ее учебная работа: программы, их эволюция, связь с практической деятельностью, со школой и требованиями социалистического строительства, а также исследовательская работа, в том числе работа руководителей, ассистентов и выдвиженцев, научные командировки и научные доклады, общественно-педагогическая деятельность, работа учебного кабинета отделения и пр. [6, с.122]. Из отчета Н.В. Никольского следует: «С 1922 г. [в ВПИ] начало существовать чувашеведение и в первую очередь чувашский язык с соединенными с ним чувашской этнографией и общей этнографией народов Поволжья. С 1924 г. выделяется чувашский язык в самостоятельную дисциплину, а этнография с историей чуваш в особую. Язык читает В.Е. Егоров, а этнографию и историю Н.В. Никольский. В 1925 г. открывается Чувашское лингвистическое от-

деление; языку отводится значительное количество часов – 16, этнографии и истории чуваш – по 4 часа, литературе (устной) – 6 ч. в неделю, письменной литературе – 6 ч. Этнографию и историю читает Н.В. Никольский, язык – В.Е. Егоров и Н.И. Ашмарин, устную письменную литературу чуваш – Г.И. Комиссаров» [6, с.115].

Таким образом, у истоков чувашского отделения ВПИ стояла кафедра, основанная Н.В. Никольским. Он подчеркивает, что «программы составлялись с таким расчетом, чтобы потом каждый из окончивших Чувашское отделение мог воспользоваться ими в педагогической работе чувашской школы повышенного типа» [6, с.115]. Поражает объем научно-исследовательских работ, выполненных ученым за 1922–1930 гг., эту работу он скромно называет «исследовательской работой кафедры», хотя абсолютное большинство работ он писал сам. Среди опубликованных исследований – монографии «Краткий курс этнографии чуваш» (1929 г.), «Народная медицина у чуваш» (1929 г.), множество статей в казанской периодике. Отдельно приведен список рукописных трудов (всего 16) [6, с.116–117; 9]. Ни один из них даже к настоящему времени не издан в полном объеме, среди них: «Чувашский народный календарь», «Материалы по истории чуваш», «Русско-латинско-чувашский словарь для агрономов среди чуваш», «Русско-латинско-чувашский словарь для медицинских работников», «Список чувашских селений», «Топонимические названия как материал для истории чуваш» и др. Лишь сказки чувашского народа вышли в Чебоксарах в 1961 г. в маленьком сборнике – мизерная часть из объема в 28 печатных листов.

В данном отчете Н.В. Никольский также подробно описал процесс создания кабинета чувашеведения: «...начал формироваться в 1925 г., который должен был обслуживать все национальные дисциплины Чувашского отделения», «первоначально имел всего лишь 1 комнату при 3 шкафах, 25 стульях и 2 столах. В 1928 г. была получена еще 1 комната для методики чувашского языка и литературы с соответствующим оборудованием» [6, с.118–119]. Среди недостатков кафедры чувашской литературы и кабинета чувашеведения Н.В. Никольский называет «отсутствие полных собраний, хрестоматий и руководств по поэтике и по чувашской народной словесности» [6, с.120]. И это – при наличии готовых рукописей по всем чувашеведческим дисциплинам. Следует отметить, что за четыре года функционирования ВПИ так и не было издано стандартных учебных пособий. Работали, как метафорично высказывается Н.В. Никольский, на основе «сырья», т.е. на материалах, добытых самими преподавателями и студентами. Такая ситуация была связана и с тем, что многие решения Народного комиссариата просвещения Чувашии не были последовательными. Так, 30 марта 1926 г. было принято постановление «составить учебник по краеведению», «разработку учебника предложить принять на себя студентам Чувашского отделения ВПИ под руководством тов. Егорова В.Е.,

Никольского Н.В. и Смолина В.Ф.» [6, с.41], хотя к тому времени уже была книга Г.И. Комиссарова «Эпир суралнă сёр-шыв» (Наша родина).

Материалы в разбираемых нами томах размещены не по хронологии. Можно понять их составителя. Над систематизацией своего рукописного фонда он работал один. Вот что Н.В. Никольский пишет в ответ на обращение Чувашского научно-исследовательского института (ЧНИИ) от 18 июля 1935 г.: «Мои материалы по фольклору находятся в личной моей библиотеке (Казань, ул. Баумана, д. 49, кв. 2. Ход со двора). Архивы я не сдавал и пока не буду сдавать, так как разработкой занят сам. Вопрос об использовании ЧНИИ моих материалов для меня очень большой; разрешение его зависит от разрешения других вопросов, связанных с ним: [...] и описание, и классификация требуют длительного труда, если измерить это в часах, то на одни сказки потребуется не менее одного года ежедневной 6-часовой работы, песни, музыкальные материалы к ним еще столько же; а там в резерве: пословицы, поговорки и др. виды. Поставленные вопросы легче было бы разрешить, если бы от ЧНИИ приехал ко мне [д. Юрмекейкино, Аликовский р. (ныне Моргаушский район Чувашской Республики. – *А.Л.*)] кто-либо из уполномоченных со всеми директивами исследывающего характера» [4, с.395].

В научном архиве ЧГИГН нами не обнаружены документы, свидетельствующие о направлении какого-нибудь сотрудника к Н.В. Никольскому. А этот период для Николая Васильевича был самым трудным в его жизни. Из воспоминаний Г.И. Комиссарова следует, что «после закрытия чувашского отделения ВПИ [...] профессора Николая Ив. Ашмарина просили переехать в Чебоксары, чтобы возглавить кафедру чувашского языка в Чувашском педагогическом институте, но он не поехал. [...] Профессор Н.В. Никольский и доцент В.Г. Егоров тоже не поехали в Чебоксары» [2, с.1125–1126]. «Не поехал» – как бы немножко от «лукавого», так как Н.В. Никольского в Чебоксары, скорее всего, и не приглашали; в то время он был неблагодарным – после разгромных статей в чувашской периодике о его некоторых работах. И тут новые напасти в Казани. 14 января 1931 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности (статья 58–11 УК РСФСР), 11 марта 1931 г. освобожден из-под стражи под подписку о невыезде. Советом врачей Н.В. Никольскому был поставлен диагноз: головные боли, головокружение, раздражительность, резкие потери памяти, нарастающие в течение года, связанные с артериосклерозом сосудов головного мозга при явлениях гипертонии, и он был признан нетрудоспособным, в связи с чем ему дана инвалидность 3 группы. 5 марта 1933 г. ученый был вновь арестован как член организации «Братство святого Гурия», 11 октября 1933 г. освобожден под подписку о невыезде [3, с.71].

Таким образом, Н.В. Никольский формировал свои архивные материалы в непростые для него времена. Поэтому не суть важно – соблюдена ли хронология или нет, главное – сохранены бесценные документы, зафиксировавшие кипучую деятельность ВПИ. А пытливый исследователь

при желании легко захронолизует источники в указанных нами томах. Мы также будем соблюдать хронологию, только в некоторых случаях отвлекаясь с целью конкретизации некоторых моментов деятельности чувашского отделения ВПИ.

В фонде сохранилось ряд организационных документов, касающихся деятельности Н.В. Никольского в Восточном педагогическом институте: утверждение правлением ВПИ решения совета отделения востоковедения «о представлении Н.В. Никольского к профессорскому званию» [5, с.12а], документ об избрании заведующим восточным отделением Г.Ш. Абдрахимова, а его заместителем – Н.В. Никольского» [5, с.12], протокол заседания Чувашского бюро Народного комиссариата просвещения Татарской АССР от 5 февраля 1926 г.: с предложением чувашскому отделению ВПИ «проработать вопросы: а) по исследованию чувашского языка и б) по истории чуваш» [5, с.4], постановление коллегии отдела печати Чувашобкома ВКП(б) от 8 февраля 1926 г. об желательном издании «собранных проф. Никольским материалов по фольклору» [5, с.5].

Особенно насыщено в документах рукописного фонда Н.В. Никольского представлен февраль 1926 г., так как, напомним, именно в этом месяце начинает свою учебно-педагогическую деятельность чувашское отделение. Так, здесь имеется сообщение Народного комиссариата просвещения (далее НКП) АЧССР за подписью наркома А.С. Никитина от 9 февраля 1926 г. по вопросам подготовки кадров для Чувашской республики. В нем одной из приоритетных задач НКП обозначено следующее: «Чтобы будущие работники в различных отраслях строительства культуры чувашского народа и его экономического благосостояния явились не только исполнителями, но и творцами. Для этого, как необходимая предпосылка, нужно знание прошлого чувашского народа и его языка, социально-экономических и природных условий его жизни, быта, обычаев, характера и мировоззрения народа. [...] Казань является основным центром подготовки будущих работников для АЧССР, здесь же с настоящего года положено начало существованию Чувашскому отделению при ВПИ. Эти два момента определяют, что подготовка чувашского студенчества к условиям работы в АЧССР прежде всего и лучше всего может быть проведена в Казани...» [5, с.14].

О выборе Казани в качестве места подготовки чувашских педагогических кадров писали и сами ученые. В письме к ректору Казанского университета от 15 января 1925 г. по вопросу дальнейшего развития кафедры чувашского языка и чувашеведения Н.В. Никольский отмечал, что «в Казани во всех вузах чуваш учится свыше 300 человек, причем большая часть приходится на разные факультеты университета. Ни в столицах, ни в поволжских городах нет такого количества студентов из чуваш» [8, с.69]. Доцент ВПИ Г.И. Комиссаров в дискуссии по вопросам вхождения Чувашии в какой-нибудь регион, вопреки официальной позиции Чувашской АССР (согласившейся с «рекомендациями» центра о включении респуб-

лики в Нижегородский край), размышлял: «Что положительного сулит нам вхождение в Волжско-Камский район? Вот что: 1) Казань близка чувашам; 2) Казань и Чувашская республика хорошо соединены и железной дорогой, и Волгой; 3) для чувашей Казань с давних времен являлась экономическим, административным и культурным центром; 4) и теперь Казань самый близкий город для чувашей, здесь обучается очень много чувашей» [1, с.2]. В период функционирования ВПИ Казань, как и до революции, оставалась культурно-просветительским центром чувашей, тем более, метрополия, то есть ЧАССР, пока еще была не в состоянии решать многие вопросы в сфере образования, тем более – высшего.

Кроме документов организационного характера, во всех трех томах хранится методологическая база по чувашеведению, то есть программы учебных предметов, которые читались на чувашском отделении ВПИ. Вот «Программа пропедевтического курса (предварительного обучения. – А.Л.) чувашского языка для студентов 1-го курса Чувашского НЛЮ на 1925–1926 гг.». Преподаватель В.Е. Егоров пишет: «[...] Алтайская семья языков. Сравнительная характеристика алтайской семьи языков с точки зрения грамматической структуры их. Место чувашского языка в языковой семье. Отношение чувашского языка к тюркским и монгольским языкам. [...] Фонетика. Физиология звуков чувашского языка. [...] Морфология. [...] Характерные особенности морфологии чувашского языка, свойственные всей алтайской семье языков: 1) отсутствие грамматического рода, 2) отсутствие строгой дифференциации частей речи. [...] Темы для докладов. Отношение чувашского языка к языку древних волжско-камских болгар. [...] Венгерские заимствования из болгарского языка и значение их в решении вопроса о родстве чуваш с древними волжско-камскими болгарями [...]» [5, с.18–20]. Василий Егорович в 1930 г. в Москве издал монографию «Введение в изучение чувашского языка», где «очертил круг будущих научных тем чувашского языкознания, определил основные проблемы глотто- и этногенеза (место чувашского языка среди алтайских языков, историческое развитие лексики чувашского языка, этноязыковые контакты болгаро-чувашей, стратификация заимствований в чувашском языке и др.» [13, с.554]. Анализ текста приведенной нами «программы» ясно указывает на первооснову монографии В.Г. Егорова.

Открывшееся чувашское отделение в первую очередь нуждалось в кадрах. В связи с этим правление ВПИ обратилось прежде всего к Н.И. Ашмарину и Г.И. Комиссарову, которые немалую часть жизни провели в Казани, и к тому времени внесли колоссальный вклад в чувашеведение. В казанский период научной деятельности Н.И. Ашмарин создал и частично опубликовал свои основополагающие труды по фонетике, грамматике, диалектологии и лексикографии чувашского языка: «Материалы для исследования чувашского языка» (1898), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (1923), «Программу для составления чувашского словаря» (1900 г.), которая послужила основой для 17-томного «Словаря чу-

вашского языка» (Thesaurus Linguae Tschuwaschorum). 1-й и 2-й выпуски словаря были опубликованы в Казани при содействии профессора Н.Ф. Катанова. Н.И. Ашмарину принадлежит ряд статей по светской татарской литературе и татарскому литературному языку, проблемам чувашского этно- и глоттогенеза посвящено аналитически-обзорное исследование «Болгары и чувашаи» (1902 г.).

Г.И. Комиссаров в годы учебы в Казанской духовной академии (1908–1913 гг.) выпустил историко-этнографический труд «Чуваши Казанского Заволжья» (1911 г.), под влиянием взглядов русского философа и публициста В.С. Соловьева сочинил трактат «Смысл мировой истории», изданный в 1916 г. в г. Уфа. Он является первым исследователем, определившим границы трех этнографических групп чувашей (верховых, средненизовых и низовых) [10, с.299]. В Казани же им опубликована монография «Чăваш халăхĕн историйĕ» (История чувашского народа, 1921 г.), краеведческое пособие «Эпир суралнă çĕр-шыв» (Наша родина, 1921 г.) и множество статей.

В рассматриваемом фонде сохранился ответ Г.И. Комиссарова, работавшего до переезда в Казань завучем Приуральского чувашского педагогического техникума в Уфе: «За лестное для меня предложение от 11/XI [1925 г.] за № 1787, прибыть в Казань для занятия должности преподавателя ВПИ, я вынужден сообщить Совнацмену и Главпрофобру Татнаркомпроса, что я не в состоянии прибыть в Казань до окончания текущего академического года по следующим причинам: 1) я связан с обязательством провести учебный год в Уфе, так как в середине года меня не могут заменить другим лицом ни Чувпедтехникум, ни ИНО, в которых я работаю; [...] 5) на Чувашском отделении ВПИ пока отведено мало часов; на отведенные часы работники имеются (Н.В. Никольский и В.Г. Егоров); [...] 8) брать уроки в Казан. чувпедтехникуме в середине академического года я считаю неудобным, как по педагогическим, так и по этическим соображениям. Поэтому я прошу: 1) об отсрочке моего переезда в Казань до августа 1926 г. и зачислении меня преподавателем ВПИ только с этого месяца...» [5, л.36–37]. Из его мемуаров видно, что супруга его не переехала с ним в Казань, вскоре семья распалась.

Н.И. Ашмарин, глава многодетной семьи, наверное, также не сразу соглашался на переезд в Казань. Поэтому ректор ВПИ профессор С.П. Сингалевич 17 июня 1926 г. на заседании правления вуза ставит вопрос: «Запросить Ашмарина, на каких условиях он может приехать на работу в Казань?» [5, с.65].

По рассматриваемым документам можно проследить, как совместные усилия НКП ЧАССР и чувашского отделения ВПИ способствовали налаживанию учебного процесса. Так, в фонде сохранился доклад Н.В. Никольского «О Чувашском лингвистическом отделении при Восточном педагогическом институте и конференции нацменпедтехникумов при ВПИ», который он представил 8 сентября 1926 г. на заседании Академического

центра при НКП ЧАССР, на основании которого Академцентр постановил: «Наркомпросу ЧАССР необходимо принять все зависящие меры к тому, чтобы усилить профессорский и преподавательский персонал чувашского отделения посредством приглашения постоянных профессоров, а в случае необходимости и через приглашение профессоров на эпизодические курсы, уделив на это нужные средства», также рекомендовал чувашскому отделению «наладить в своей работе живую связь как с чувашскими школами повышенного типа, так и с трудящимися массами чуваш», кроме этого просил выделить «небольшие средства на пополнение кабинета [чувашеведения] нужными пособиями», а всем студентам-чувашиам г. Казани предлагал пройти краткосрочные курсы в чувашском отделении ВПИ [5, с.163].

Правление ВПИ 13 октября 1926 г. рассмотрело указанные выше пожелания Академцентра НКП АЧССР и постановило: «Выдвигаемые в протоколе пожелания осуществить при условии отпуска средств со стороны НКП АЧССР; указать на то, что отпускаемых Центром средств на кабинет чувашеведения недостаточно и что кабинет нуждается в дотации АЧССР; [...] 4) сообщить НКП АЧССР, что в ВПИ приезжают в ближайшее время Ашмарин и Комиссаров и просить НКП взять на себя оплату их квартир» [5, без нумерации, после л.162]. Из протокола № 2 совета НЛЮ института от 22 октября 1926 г. узнаем, что Ашмарин и Комиссаров «приступили к отправлению своих обязанностей» и в результате голосования в совете отделения «Ашмарин Н.И. считается избранным профессором по кафедре чувашского языка и турецко-татарского языкознания. [...] Комиссаров Г.И. считается избранным доцентом на кафедру по чувашской народной словесности и чувашской литературе с методами этих предметов» [7, с.3].

В документах, собранных Н.В. Никольским, сохранился учебный план, утвержденный советом НЛЮ от 21 сентября 1926 г. Согласно этому документу, на чувашском отделении между профессорами и преподавателями курсы были распределены следующим образом: I курс: Егоров, чувашский язык – 6 ч. в неделю, русский язык – 4 ч.; II курс: Никольский, география и природные богатства АЧССР – 4 ч., Ашмарин, чувашский язык – 6 ч., Максудов, арабский язык – 4 ч.; III курс: Никольский, история чувашского народа – 6 ч., современное хозяйство Чувашской республики – 2 ч., Комиссаров, чувашская народная словесность – 6 ч., краеведение в связи с проработкой школьных программ – 2 ч., школьная практика и семинарий – 2 ч. [7, с.9].

Здесь же был прописан студенческий состав курсов татарского и чувашского отделений. На II курсе чувашского отделения обучалось 16 человек: Имендаев, Сайкина, Андреев В., Осипов, Сергеев М.С., Михайлов, Куприянов, Шувалов, Баимкин, Ефремов, Макаров, Дорофеев, Резюков Н.А., Сотников, Иванов И.А., Герасимов М.А., на III курсе всего 5 человек: Юманков («выбыл в Ленинградский вуз»), Угандеев, Максимова М.А., Николаева М.Н., Николаев И.Н.». Согласно постановлению сове-

та, студент III курса Угандеев был оставлен в качестве ассистента-аспиранта [7, л.4об.].

Ряд документов из рукописного фонда Н.В. Никольского свидетельствуют и о финансовой стороне существования национальных отделений ВПИ, а именно средствах, которые удавалось добиться от руководства вуза на организацию учебного процесса. Так, протокол № 3 [заседания] Совета НЛЮ от 5 ноября 1926 г. сообщал, что «правление ВПИ от 22 октября 1926 г. постановило выделить Татарскому отделению 100 руб. на I квартал текущего года по статье учебных расходов, Чувашскому – 50 руб., Марийскому и Вотскому – 50 руб. (по 25 руб.)». «Никаких дополнительных ассигнований на кабинеты не будет. Вопрос о штатах пока еще не разрешен». [7, л.1].

Особо нужно отметить: ВПИ в части чувашеведения вплотную взаимодействовал с государственными органами Чувашской АССР и чувашскими организациями в Татарской АССР. Последние, соответственно, тесно контактировали с Чувашской республикой. Например, программы, составленные в начале академического года, отсылались в НКП Чувашии для изменений и дополнений, и они переделывались «согласно пожеланиям с мест, применительно к потребностям чувашской школы». Даже утвержденные Главпрофобром РСФСР программы отсылались «на просмотр в Чувашнаркомпрос и здесь они подвергались некоторым изменениям в применении к новым задачам чувашских школ» [6, с.115].

НКП ЧАССР также периодически обращался к чувашоведам ВПИ по разным вопросам. 5 ноября 1926 г. заместитель наркома [Иван Степанович] Степанов просит, «как к членам Академического центра», Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова и В.Е. Егорова «составить список книг по чувашеведческим дисциплинам: по языку, истории, этнографии, антропологии... чувашского народа. В список необходимо включить книги, которые необходимо приобрести в первую очередь. НКП может выделить на эту цель от 1500 до 2000 рублей...» [7, с.59].

На заседании совета чувашского отделения 10 ноября 1926 г. заведующий отделением Н.В. Никольский заявляет о необходимости еженедельных собраний для обсуждения вопросов, связанных с жизнью отделения. Шло его становление, много было нерешенных вопросов. С некоторым опозданием на этом же заседании утверждают программы Н.И. Ашмарина для II курса по чувашскому синтаксису; Н.В. Никольского – для II и III курсов по географии АЧССР, для III курса – современное хозяйство АЧССР и историю чувашского народа. В работе совета участвовали проф. Н.И. Ашмарин, доцент Г.И. Комиссаров, доцент В.Е. Егоров, уполномоченный НКП АЧССР Меценатов, а также студенты Афанасьев, Резюков и Угандеев [7, с.86].

Уже в первом академическом году работы отделения преподаватели подготовили учебно-методические пособия, о чем свидетельствует решение совета НЛЮ от 16 марта 1927 г.: «[Совет] по вопросу о приготовлен-

ных к печати руководства обращается к национальным республикам о напечатании следующих руководств: Н.В. Никольский «Курс этнографии чуваш», Г.И. Комиссаров «Чувашский фольклор», В.Е. Егоров «Фонетика чувашского языка», Г.И. Комиссаров «Методика преподавания чувашской литературы», «Хрестоматия по чувашской литературе», Н.В. Никольский «Хрестоматия по чувашской истории», «Хрестоматия по марийской истории», «География Чувашии», Н.И. Ашмарин «Словарь чувашского языка (продолжение вып. 1 и 2)». [7, л.148об.]. К сожалению, ни одно из указанных пособий не было издано. Тем не менее, сохранившиеся документы позволяют оценить высокий уровень профессионализма составителей учебных программ. Так, каждый пункт программы по курсу народной словесности на III курсе чувашского отделения ВПИ в 1926–1927 академическом году (для семинарской проработки) – тема не только отдельной лекции (само собой разумеется, для программы вуза), но и для самостоятельного исследования. Например, обрядовая поэзия состоит из 30 пунктов: обряды и заклинания при первом выгоне скота в поле, обряд окончания жатвы и молитва при совершении его, [...] осеннее поминовение покойников и его поэзия, [...] обряды и поэзия свадьбы: всего девять пунктов. Увы, будущие чувашские фольклористы не стали использовать эту программу. Составитель программы не указан. Но руками одного из биографов Н.В. Никольского профессора В.Д. Дмитриева отмечено, что ее составил Никольский [6, л.127–130]. В этом отношении опытный Н.В. Никольский подвинул своего младшего коллегу Г.И. Комиссарова войти «в курс дела» по преподаванию чувашской словесности, и Гурий Иванович в течение короткого времени написал несколько трудов: «Чăваш фольклорĕпе литература вĕрентĕвĕ (конспектсем) (Чувашский фольклор и литературоведение), «Устное творчество (фольклор)», «Мотивы туда в чувашской народной поэзии», где при разграничении жанров чувашского фольклора однозначно и уверенно использовал «проработки» Николая Васильевича. К сожалению, ни одно из перечисленных сочинений не было выпущено в виде книги.

6 ноября 1927 г. совет «нацменовских отделений» (чувашского, марийского и вотского) избрал председателем Н.И. Ашмарина, а секретарем Н.В. Никольского [7, л.72]. В декабре 1928 г. этот великолепный тандем снова переизбран на свои должности.

Кого же готовили национально-лингвистические отделения? На это вопрос член правления ВПИ Г.Ф. Линцер дал ясный ответ: «...теперь эти отделения переименованы, и Чувашское отделение языка и культуры, и Татарское отделение языка и культуры и т. д. [имеются в виду вотское (удмуртское) и марийское отделения. – А.Л.] будут готовить «работников культуры, то, что мы называем татароведом, чувашеведом, мариведом, вотяковедом» [5, с.169]. То есть не просто педагогов, а универсальных специалистов-гуманитариев. Научно-исследовательскую работу национальных отделений курировал Н.В. Никольский, который вкратце осветил

данную работу и констатировал: «Несмотря на очень стесненные материальные и жилищные условия, научно-исследовательская работа не прерывалась. [...] Н.И. Ашмарин продолжал приготовление своего словаря чувашского языка для печати и другие работы по тюркологии, В.Е. Егоров написал работу по фонетике чувашского языка, Г.И. Комиссаров изготовил ряд работ по методике чувашского языка и литературы, по чувашскому фольклору, Н.В. Никольский приготовил для печати сокращенный курс этнографии чуваш, народную медицину чуваш и ряд других работ по истории и этнографии чуваш, мари и вотяков» [5, л.170].

Замнаркомпроса Чувашской республики [И.С.] Степанов в своем выступлении «признает за ВПИ краевое значение», констатирует, что «у национальностей Поволжья нет своих вузов, научных работников мы ждем от ВПИ», «национальные республики и области обязаны принять участие в обеспечении, но следует подчеркнуть необходимость постоянного обеспечения национальных отделений в первую очередь со стороны Г.П.Ф.», «уколон должен быть лингвистический», «в целях улучшения состава студенчества Чувашского отделения НКП ЧАССР разослал свою разверстку по чувашским педтехникумам. Желающие поступить на Чувашское отделение будут подвергнуты предварительному испытанию в Комиссии при НКП ЧАССР, будут даны стипендии; будет увеличено количество и размер их» [5, л.171]. Представитель НКП РСФСР [Ян Мартынович] Свикке полагает, что в отделениях «изучать татарский язык надо, но в целях научно-исследовательских необходим при нем арабский и персидский языки. [...] Чувашская культура в прошлом была тесно связана с арабской. Поэтому необходимо изучение на Чувашском отделении арабского языка» [5, с.173].

Однако 18 мая 1929 г. на заседании правления ВПИ решено было «снять с учебного плана татарского и чувашского отделений арабского языка» [5, л. без нумерации, после л.134]. Этот факт безусловно стал шагом назад в развитии восточных дисциплин. Отмену предрешило, очевидно, заключение временной комиссии, руководимой доцентом В.Е. Егоровым, в котором объяснялось это решение: «преподавание арабского языка на Чувашском отделении без особенного ущерба можно отменить. Между арабским и чувашским языком нет никакого сходства: арабский принадлежит к семитической (так в тексте. – А.Л.) семье языков, а чувашский – к алтайской. Каждый из этих языков имеет свой грамматический строй, резко отличающийся от другого. Влияние арабского языка на чувашский можно усмотреть только в нескольких десятках арабских слов, проникших в чувашский язык в древнее время. Влияние это нисколько не распространилось на грамматический строй чувашского языка – ни на фонетику, ни на морфологию, ни тем более на синтаксис его. По мнению комиссии, наоборот, весьма важно было бы для студентов чувашского отделения изучение татарского языка, который родственен и весьма близок чувашскому, и многие фонетические и морфологические формы последнего легко выводятся на первый. А между тем татарский язык совсем не значится в учебных планах. В виду

этого комиссия считает более целесообразным арабский язык на чувашском отделении заменить татарским» [7, л.87об.].

Примерно в то же время, т.е. в 1929 г. (в рукописном тексте дата не указана) Н.В. Никольский написал проект документа под названием «Задача учебного плана – удовлетворить местные нужды». «Местные», значит – национальные. «Ввиду требований с мест, дисциплины должны быть пронизаны чувашеведческими элементами, особенно это нужно сказать относительно педагого-методических и лингвистических дисциплин. В частности: а) общее языкознание должно, по возможности, оперировать с элементами тюрко-татарских и финно-угорских языков, русский язык должен иметь специфический, применительно к чувашскому составу школ, уклон, теория литературы должна уделить достаточно внимания чувашской поэтике» [5, л.137об.].

Среди документов собрания Н.В. Никольского сохранились не только ежегодные отчеты о деятельности чувашского отделения, но и отчетная документация его преподавателей. В них содержится множество интересных сведений о повседневном учебном процессе в ВПИ. Так, из отчета В.Е. Егорова о преподавании чувашского языка на I курсе за 1 семестр 1926–1927 академического года от 12 декабря 1926 г. следует: «За отчетный год пройдено: Вводная часть курса. Вокализм и консонантизм чувашского языка. Отношение чувашского письма к чувашскому языку. Принципы чувашского правописания. [...] Письменные работы составляли важнейший момент в преподавании чувашского языка. Они носили характер и поверочного диктанта, и переводов с русского на чувашский язык, и решения лингвистических задач, и самостоятельных сочинений на определенные темы...» Василий Егорович не стал скрывать в отчете и недостатки: «Успеваемость в чувашском языке весьма слабая. За исключением 5–6 человек все они поступили почти неграмотными в родном языке и не проявляют усердия к изучению его, а, наоборот, даже всячески изощряются в изыскании путей и средств к переходу на другие отделения...» [5, без нумерации, между л.104 и 105]. Так характеризовались учащиеся в первый год открытия чувашского отделения. Возможно, студентов набирали, чтобы выполнить план приема. Таких негативных оценок в других отчетах нами не замечено.

Ряд документов из собрания Н.В. Никольского содержат другие ценные свидетельства, характеризующие студенческий состав чувашского отделения ВПИ. Из резолюции чувашско-марийской секции Методической конференции ВПИ от 6 марта 1929 г. можно получить представление о критериях приема на отделение: «заблаговременно начинать подготовку к приему на I курс чувашского и марийского отделений, создавая на местах специальные курсы, и обращать самое серьезное внимание на классовый состав поступающих на национальные отделения. Ни в каком случае не допускать приема лиц, не сдавших приемные испытания, на другие отделения ВПИ» [5, с.138].

Также в фонде сохранились прошения студентов чувашского отделения. Так, учащийся II курса Чувашского отделения Николай Резюков 28 мая 1927 г. обращался в учебную часть ВПИ с просьбой допустить его «к слушанию лекций, практическим и семинарским работам» в литературно-лингвистическое отделение, так как он считает, что «преподавание родного языка и литературы должно быть тесно связано в нацменских школах с преподаванием русского языка и литературы»¹ [7, л.13]. 27 сентября 1929 г. студент III курса К.Я. Кустарин заявлял, что в период военного коммунизма обучался в Канашском педтехникуме при отсутствии в течение двух лет преподавателя русского языка, и не получил «соответствующее знание по русскому языку, и это является большим тормозом в изучении чувашского языка». Студент «убедительно просит» совет национальных отделений разрешить его перевестись на литературное отделение с обязательством сдачи специальных дисциплин по чувашскому отделению или, в крайнем случае, разрешить слушать лекции и сдавать зачеты по литературно-лингвистическому отделению, оставаясь студентом чувашского отделения» [7, л.53]. Эти документы говорят о желании молодых людей повысить уровень своего образования.

Однако в прошениях студентов можно выявить и тенденцию неприятия чувашеведческих дисциплин. Так, студентка I курса А.Русанова из Башкирии 3 октября 1929 г. просит перевести ее «с чувашского отделения на II курс литературного (русского. – А.Л.)», и жалуется, что она «круглая сиротка-батрачка», и в то же время заявляет: «в настоящее время мой муж учится в Уфе, в пединституте...», и почти шантажирует: «...куда я собираюсь переводиться в случае, если здесь не переведут (так в тексте. – А.Л.) на литературное отделение». Не известно, удовлетворили ли просьбу «сиротки-батрачки» при живом муже, однако весьма примечательны слова, написанные карандашом под подписью студентки: «Ты коммунистка или нет?» [5, л. без нумерации, между л. 123 и 124].

Из документов видно, как преподаватели старались помогать студентам. Студент 3 курса Степан Угандеев обращается в Наркомпрос Чувашии с просьбой назначить ему стипендию повышенного размера, так как он хочет «посвятить себя всецело изучению предметов чувашеведения и связанных с этими предметами дисциплин», однако из-за материальной не-

---

¹ После окончания ВПИ в 1930 г. Николай Андреевич Резюков преподавал в средних и высших учебных заведениях, работал в ЧНИИ (с октября 1937 по май 1938 гг. исполняющий обязанности директора), Республиканском институте усовершенствования учителей. В 1928–1933 гг. под руководством Н.И. Ашмарина участвовал в обработке материалов и подготовке рукописи 2–7 выпусков «Словаря чувашского языка», после смерти Н.И. Ашмарина самостоятельно подготовил к печати 8–14, выпускающий редактор 6–13 и ответственный редактор 14 и 17 выпусков, автор «Послесловия». – Дегтярёв Г.А. Резюков Николай Андреевич // Чувашская энциклопедия. Т.3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С.554.

обеспеченности ему «то и дело приходилось отрываться в поисках средств к существованию». Н.В. Никольский в текст заявления внес поправки вплоть до того, что сам написал дату и адрес студента [5, с.61]. 17 февраля 1927 г. Г.И. Комиссаров составил отзыв: «Студентка III курса Марфа Николаевна Николаева с интересом изучает чувашский фольклор, проявляет интерес к научной исследовательской работе. [...] Я очень бы желал, чтобы тов. Николаева получила возможность усовершенствоваться в области чувашского фольклора, для чего я просил бы совет отделения востоковедения утвердить Николаеву в звании ассистентки-практикантки по чувашскому фольклору». Отзыв коллеги поддержал профессор Н.В. Никольский [7, с.183–184]. Из письма наркома просвещения ЧАССР М.С. Сергеева от 30 августа 1928 г. на имя председателя совета чувашского отделения Н.И. Ашмарина следует, что преподавателей чувашского отделения интересовало трудоустройство их воспитанников: «Все окончившие курс Чувашского отделения нами использованы на педагогической работе, а именно: тов. Николаев назначен на чувашеведение в Чебоксарский педтехникум, Угандеев – в Ядринский педтехникум, Николаева – в Канашский педтехникум и Максимова – в Чебоксарскую Советскую школу II ступени. НКП считает необходимым отметить, что кончающие курс Чувашского отделения ВПИ предпочтительно пред другими кандидатами будут назначаться на подработку в первую очередь» [7, с.106].

Во второй половине 1920-х гг. в учебную практику внедрялись активные методы преподавания. Одним из самых распространенных являлся экскурсионный метод. На чувашском отделении ВПИ он также получил широкое распространение, о чем свидетельствуют организационные обсуждения учебных экскурсий. По мнению Н.В. Никольского и Г.И. Комиссарова, «экскурсии специального характера должны быть увязаны с научными экспедициями Академии наук, которая в последние годы все больше и больше разворачивает свои экспедиции в нацменовские местожительства». Представляет интерес сохранившийся подробный «План дальней экскурсии для студентов Чувашского отделения языка и культуры зимою 1927–1928 учебного года». Согласно этому документу, Г.И. Комиссаров предлагал посещать вместе с учащимися в Москве и Ленинграде учреждения и организации, «которые ведают чувашами или изучают их культуру», среди этих объектов: в Ленинграде – Яфетический институт, Академия истории и материальной культуры, отделение востоковедения Ленинградского государственного университета, Музей антропологии, [...] в Москве: Чувашпредставительство, Совнацмен при НКП РСФСР, Чувашсекция при ВКП(б), Общество изучения чувашской культуры, Институт востоковедения (быв. Лазаревский) и др. [5, л.195об.]

В своих отчетах преподаватели, как мы видели на примере отчетной документации Г.И. Комиссарова, нередко оценивали успеваемость студентов. Однако Н.В. Никольский, в отличие от Гурия Ивановича, был немногословен, так как его повседневная деятельность, очевидно, была нагро-

мождена решением административных вопросов. В отчете за 1927–28 академический год на II курсе чувашского отделения по «Географии и природным богатствам Чувашского края» он писал о студентах: «Педагогическая установка выявлена очень ясно у Афанасьева, Григорьевой, Тарасовой, которые, параллельно с научным изложением материала, делали опыты применения этого материала в школьной жизни». Николая Васильевич подчеркивал, что «работа руководителя, помимо преподавательской, сводилась к исследованию слабо разработанных в литературе вопросов, именно «О кустарных промыслах чуваш», «О районировании». Для этого использованы материалы, добытые лично в Чебоксарах и на местах» [5, л.114–115]. Нужно отметить, что Н.В. Никольский в 1926 г. окончил Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства, и поэтому вполне профессионально разбирался в проблематике географии и природных богатств Чувашского края. Его рукописная работа «Анализ посевного материала Чувашской АССР» (67 листов), на наш взгляд, открывает в этнографии, историке, фольклористе, статистике, лексикографии Никольском и агронома, и почвоведом, и агрохимиком, и историком-аграрником [9]. Кроме отчетов Г.И. Комиссарова и Н.В. Никольского, фонд содержит отчетную документацию Н.И. Ашмарина и других сотрудников отделения.

Следует подчеркнуть, что ВПИ, вернее, его совет нацменовских отделений, курировал учебно-воспитательный процесс казанских педагогических техникумов, о чем свидетельствует протокол № 7 заседания совета от 24 апреля 1928 г., где с докладом выступил заведующий учебной частью чувашского педтехникума Ф.Т. Таябинский. В этом техникуме, как в дореволюционное время в Симбирской чувашской учительской школе, учились не только чуваша, но и мари, вотяки, представители других национальностей. В решении совета, в частности, говорится, что «все национальные педтехникумы Казани (чуваш, крышен, татар) должны быть обращены в опытно-показательные педтехникумы ВПИ». В связи с этим совет просил областные отделы народного образования Марийской области и Вотякской области, Народный комиссариат просвещения Чувашской АССР «командировать в ВПИ педагогов для прослушания национальных дисциплин» [5, с.49–50].

Важным направлением работы чувашского отделения в конце 1920-х гг. становится подготовка преподавательских кадров из собственных воспитанников. Из резолюции чувашско-марийской секции методической конференции ВПИ от 6 марта 1929 г., написанной Н.В. Никольским, видны направления этой деятельности: «Принимая во внимание отсутствие научных исследователей по чувашеведению и мариведению, признать необходимым при национальных отделениях института аспирантуры – по 2 человека» [5, л.142об.]. «По чувашскому отделению пригласить на работу по кафедре чувашской диалектологии частично чувашского языка Т.М. Матвеева, сняв его с работы по НКП ЧАССР и обеспечив дотацией ежегодной от ЧАССР» [5, с.143].

Из документов явствует, что преподаватели пытались обеспечить для своих будущих преемников приемлемые бытовые условия. Из протокола заседания учебно-методической комиссии Чувашского отделения от 11 марта 1930 г. узнаем, что «ассистенты-выдвиженцы живут в тесных и холодных помещениях, получают обычную студенческую стипендию и не имеют дотаций, какими располагают, например, студенты-выдвиженцы Марийского отделения», поэтому комиссия просит дирекцию ВПИ об обеспечении ассистентов-выдвиженцев дотацией каждому хотя бы по 15 рублей в месяц и о предоставлении им более благоприятных для занятий жилищных условий...» [6, с.43]. Заметно, что надежды на помощь от госорганов ЧАССР было мало, по-видимому, руководство Чувашского отделения уже знает, что с нового учебного года начинает функционировать Чувашский педагогический институт в Чебоксарах. Протокол подписан заведующим отделением И.Е. Ефимовым² и секретарем Н.В. Никольским. Здесь же, без указания даты, – список студентов II курса, среди них известный чувашский прозаик, поэт Виктор Ефремович Рзай (окончил в 1933 г. Татарский педагогический институт) и будущий народный поэт Чувашской АССР Петр Петрович Хузангай (получил диплом ВПИ в последний год его деятельности) [6, с.53].

Имеющийся в рукописном фонде Н.В. Никольского отчет о работе чувашского отделения за 1928–1929 академический год представляет особый интерес, так как мы не располагаем отчетом за 1929–1930 гг. Возможно, его и не было, так как бессменный секретарь общепедagogических советов, конференций, заседаний, секретарь совета лингвистических отделений и чувашского отделения Н.В. Никольский, как мы выше сообщали, был арестован, а чувашское отделение было закрыто в 1931 г. Итак, в отчете Н.В. Никольский зафиксировал: «Если в 1927 г. разработка национальных дисциплин, соответственно запросам с мест, ставилась как задача только национальным отделениям, то теперь этот вопрос вступил в фазу значительного расширения: востокизация всего вуза – вот девиз настоящего момента, увязка с 5-летним планом хозяйственного и культурного строительства национальных республик и областей на всех отделениях вуза» [6, с.55]. Из документа узнаем, что руководящий состав чувашского отделения практически остался прежним. У администрации отделения имелось бюро в составе председателя профессора Н.И. Ашмарина и секре-

---

² Ефимов Иван Ефимович окончил Казанский педагогический институт (1929). С июня 1920 по 1925 – областной военный комиссар Чувашской автономной области. В 1925 избран заместителем Председателя ЦИК и назначен наркомом внутренних дел Чувашской АССР, в этом же году направлен на учебу. С конца 1920-х гг. на научно-педагогической работе: доцент, заместитель директора Казанского педагогического института. [...]. – Клементьев В.Н. Ефимов Иван Ефимович // Чувашская энциклопедия. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С.575–576.

таря профессора Н.В. Никольского. А «вопросы, требующие обсуждений всего коллектива, вносятся в совет национальных отделений (чувашиского и марийского), где председателем состоит профессор Н.И. Ашмарин, а секретарем профессор Н.В. Никольский» [6, с.55]. Кроме этих органов [администрации или управления отделением] были еще заведующие кабинетами. Кабинетом чувашеведения заведовал проф. Н.В. Никольский, а кабинетом методики чувашского языка и литературы – доцент Г.И. Комиссаров. «У первого имелись помощники из студентов: ассистенты-выдвиженцы И.К. Куприянов, М.Н. Никольский и Н.С. Павлов³, по кабинету методики – студенты IV курса Андреев и Павлов» [6, с.56].

Н.В. Никольский в отчете тезисно информирует об основных вехах чувашского отделения и о перипетиях изменений учебных планов, которые происходили практически ежегодно. Представляют особый интерес данные о научно-исследовательской работе преподавателей: «Профессор Н.И. Ашмарин читал чувашский язык на II к., диалектологию чувашского языка, сравнительное тюрко-татарское языкознание. Для курса чувашского языка пособиями для студентов были работы Н.И.А.: а) «Материалы для исследования чувашского языка». [...] Учение о звуках» (фонетика), [...] «Учение о формах (морфология)», [...] «Опыт исследования чувашского синтаксиса». [...] По чувашскому диалектологию студенты пользовались записками самого профессора. [...] Проф. Н.В. Никольский читал курс по чувашскому фольклору на III курсе и экономгеографию ЧАССР на II курсе. Каких-либо специальных руководств по этим дисциплинам не было. И тот, и другой курсы разрабатывались на основе того сырого материала, какой собран был (1900–1927 гг.) [...] Доцент Г.И. Комиссаров читал курс «История чувашской литературы» (на IV курсе), а также «Методику чувашского языка и литературы». [...] Руководств и пособий на чувашском языке не было. Г.И.К. разрабатывал курсы на основании того сырья, которым он располагает в достаточной степени. Однако категорически заявляет в своем отчете: «В будущем, когда будет издан мой курс истории чувашской литературы, над которым я сидел в этом году и еще продолжаю сидеть, работа студентов при подготовке семинарских докладов безусловно будет обеспечена, и вообще изучение курса истории чуваш-

---

³ Павлов Николай Степанович – литературовед, кандидат филологических наук (1960), доцент (1960). Окончил отделение чувашского языка и культуры ВПИ (1930). В 1942–63 преподавал в Чувашском государственном педагогическом институте, одновременно в 1947–62 декан историко-филологического факультета. В 1963–70 в НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР: старший научный сотрудник, заведующий сектором литературы и фольклора. Автор научных работ по истории чувашского литературоведения и критики, драматургии и публицистике, в т. ч. 2 монографий, наиболее известная из которых – «Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики» (1970). – Родионов В.Г. Павлов Николай Степанович // Чувашская энциклопедия. Т.3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С.357.

ской литературы получит надлежащее оформление» [6, с.59]. [...] Доцент В.Е. Егоров читал пропедевтический курс чувашского языка на I курсе. Разработал «Введение в изучение чувашского языка», работу безусловно ценную по языкознанию». Николай Васильевич отмечал, что кабинет чувашеведения имеет библиотеку в количестве 2000 корешков (книг), а в кабинете методики языка и литературы – 1100 корешков [6, с.65].

Подытоживая наш анализ части огромного пласта материалов о Чувашском отделении ВПИ, констатируем: несмотря на то, что эта структура существовала всего четыре года, она внесла огромный вклад в развитие высшего образования соплеменников; отделение явилось базой для формирования чувашских гуманитарных дисциплин в Чувашском государственном педагогическом институте; корифеи чувашеведения Н.И. Ашмарин, В.Е. Егоров, Г.И. Комиссаров, Н.В. Никольский в стенах ВПИ создавали свои известные научные труды (к сожалению, часть из них до сих пор не издана); история чувашского отделения ВПИ ждет своих исследователей для дальнейшего глубокого и всестороннего освещения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Вандер*. Чăваш республикине хăш района кĕртмеллине сÿтсе яватпăр. Совет Союзнe сĕнелле районланă хыçĕн Чăваш республикин аста пулмалла? [Обсуждаем вопрос о вхождении Чувашской республики в какой-нибудь район. Где должна быть Чувашская республика после нового районирования Советского Союза?] // Канаш. 1928. 15 августа. №156.

2. *Комиссаров (Вандер) Г.* Автобиографические записки (мои мемуары) [рукопись] // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 492.

3. *Леонтьев А.П.* «Уголовное дело» Н.В. Никольского // КИЛ. 2008. №3. С.71–82.

4. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 103.

5. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 300.

6. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 317.

7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 323.

8. Никольский Н. Ректору Казанского университета // КИЛ. 2008. №3. С.71–82.

9. Никольский Н.В. Анализ посевного материала Чувашской АССР [рукопись] // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Ф.6. Оп.1. Д.9.

10. *Родионов В.Г.* Комиссаров Гурий Иванович // Чувашская энциклопедия. Т.2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008.

11. *Симулин А.М.* Восточный педагогический институт // Чувашская энциклопедия. Т.1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.

12. *Хузангай А.П.* Ашмарин Николай Иванович // Чувашская энциклопедия. Т.1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.

13. *Хузангай А.П.* Егоров Василий Георгиевич // Чувашская энциклопедия. Т.1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.

Информация об авторе:

Леонтьев Алексей Петрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация); e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

Поступила 06.10.2022

Принята к публикации 30.11.2022

Chuvash department of the Eastern Pedagogical
Institute (by the manuscript fund of N.V. Nikolsky)

A.P. Leontiev
Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary, Russian Federation

The article analyzes the activities of the Chuvash department of the Eastern Pedagogical Institute in 1926–1930. The sources of the article were the materials of the Manuscript Fund of Professor N.V. Nikolsky in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. There are reports, protocols, reviews, correspondence and other documents that reveal the role of N.I. Nikolsky, N.A. Ashmarin, G.I. Komissarov, V.E. Egorov in the development of higher education in the Chuvash ASSR. The research activity in the Chuvash department was particularly noted.

Keywords: N.V. Nikolsky's manuscript archive, higher education of the Chuvash, Chuvash department of the Eastern Pedagogical Institute

For citation: Leontiev A.P. Chuvash department of the Eastern Pedagogical Institute (by the manuscript fund of N.V. Nikolsky). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp. 91–110. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.91-110> (In Russian)

REFERENCES

1. Vander. Chävash respublikine khäsh rayona kërtemelline sýtse yavatpär. Sovet Soyuzne çenëlle rayonlanã khyççän Chävash respublikin açta pulmalla? (Obsuzhdaem vopros o vkhozhdenii Chuvashskoy respubliki v kakoy-nibud' rayon. Gde dolzhna byt' Chuvashskaya respublika posle novogo rayonirovaniya Sovetskogo Soyuza?) [We are discussing the question of the entry of the Chuvash Republic into some region. Where should the Chuvash Republic be after the new zoning of the Soviet Union?]. *Kanash*, 1928, 15 avgusta, №156. (In Chuvash)

2. Komissarov (Vander) G. Avtobiograficheskie zapiski (moi memuary) [rukopis'] [Autobiographical notes (my memoirs) [manuscript]]. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN)* [Scientific archive of the Chuvash State Institute for the Humanities]. Otd. I. Ed. khr. 492. (In Russian)

3. Leont'ev A.P. «Ugolovnoe delo» N.V. Nikol'skogo [“Criminal case” of N.V. Nikolsky]. *KIL*, 2008, №3, pp.71–82. (In Russian)

4. NA ChGIGN [Scientific archive of the Chuvash State Institute for the Humanities]. Otd. I. Ed. khr. 103. (In Russian)
5. NA ChGIGN. Otd. I. Ed. khr. 300. (In Russian)
6. NA ChGIGN. Otd. I. Ed. khr. 317. (In Russian)
7. NA ChGIGN. Otd. I. Ed. khr. 323. (In Russian)
8. Nikol'skiy N. Rektoru Kazanskogo universiteta [To Rector of the Kazan University]. *KIL*, 2008, №3, p.71–82. (In Russian)
9. Nikol'skiy N.V. Analiz posevnogo materiala Chuvashskoy ASSR [rukopis'] [Analysis of the sowing material of the Chuvash ASSR [manuscript]]. *Otdel rukopisey i redkikh knig Nauchnoy biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo federal'nogo universiteta*. F.6. Op.1. D.9. (In Russian)
10. Rodionov V.G. Komissarov Guriy Ivanovich. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]: in 4 vol. Vol.2: Zh – L. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 2008. (In Russian)
11. Simulin A.M. Vostochnyy pedagogicheskiy institut [Eastern Pedagogical Institute]. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]: in 4 vol. Vol.1: A – E. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 2006. (In Russian)
12. Khuzangay A.P. Ashmarin Nikolay Ivanovich. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]: in 4 vol. Vol.1: A – E. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 2006. (In Russian)
13. Khuzangay A.P. Egorov Vasiliy Georgievich. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]: in 4 vol. Vol.1: A – E. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 2006. (In Russian)

About the author:

Leontiev Alexey Petrovich – Cand. Sci. (history), Research Fellow, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Russian Federation); e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

Received October 6, 2022

Accepted for publication November 30, 2022